

Павел Анненков

Записки о французской революции 1848 года

Павел Анненков

**Записки о французской
революции 1848 года**

«Public Domain»

1848

Анненков П. В.

Записки о французской революции 1848 года / П. В. Анненков —
«Public Domain», 1848

Рукопись представляет собой обстоятельный, богатый подробностями и хронологически построенный рассказ о событиях французской революции 1848 г., начиная с 24 февраля и кончая 22 июня 1848 г. Первая глава, видимо, писалась Анненковым в ходе самих событий: рассказ его строго фактичен, фрагментарен и эмоционален; это рассказ очевидца, потрясенного событиями и спешившего зафиксировать непосредственные впечатления от них.

Содержание

[1]	5
Четверг	6
Подробности бегства короля	11
[Пятница 25, суббота 26, понедельник 27 февраля]	12
Заключение, 3-го марта, пятница	15
Окончание подробностей	16
[Через неделю. Март месяц]	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков

Записки о французской революции 1848 года

1

...невыразимом вся масса откинулась назад^[1], и крик: «aux armes»² пронесся по всему Парижу. Люди бежали в беспамятстве, но вопя: «aux armes-trahison... ils veulent la révolution... la révolution... la révolution»³.

Несколько человек схватили решеточную дверь нашу в ужасе [невыразимом] неимоверном и требовали, чтоб отперли ее, потрясая ее, между тем, как соломинку, concierge⁴, жена его потеряли голову. Отпер посторонний человек. Показались раненые: работник с [разбитым] разрезанным ухом, женщина с простреленной щекой. [Крик] Раздались вопли и крики. За доктором никто не смел выйти, боясь нового залпа. Через четверть часа воцарилась на бульварах мертвая тишина, еще страшнее предшествующей бури, и в довершение картины привезли тележку, положили на нее трех или 4 убитых и при свете факелов, освещавших их окровавленные лица, повезли по городу.

Что династия кончилась, можно судить потому, что [этот] перед этим кортежем из народа [сопровождал] отступил [полсотни] отряд из кирасир [занимавший], занявший улицу la Paix. Кортеж направился к колоссальной Монмартровой баррикаде: она устроена была, как догадываются, радикалами.

Боковой улицей пробрался я к себе домой в 11 часов, еще дрожа от всех этих впечатлений, и никак не мог заснуть: до сна ли было. В доме у нас оказался тоже раненый: лакей с простреленной ногой.

Революция была уже сделана: стоило только дожждаться утра. Куда девались все страшные приготовления 18 лет, сделанные Лудвигом Филиппом. Все рушилось от подлости самих консерваторов, от деморализации войск, от парижского народа, неудержимого, как только раз снял он с себя цепи.

И можно ли вообразить? Гизо в Палате, объявив об увольнении своем, объявил, что до составления нового М<инистерст>ва он восстановит порядок в городе силой, а «Journal des débats» (последний № монархического журнала «des Débats»), объявляя о возмущении, твердо уверен, что оно будет подавлено, и занимается, как ни в чем не бывало, разбором заседания Академии наук и книги о [старых] древних костюмах Нормандии, кажется!

¹ Начало первой главы в рукописи отсутствует

² «К оружию»

³ «К оружию... измена... они хотят революции... революция... революция» (франц.).

⁴ Консьерж (франц.).

Четверг

Четверг 24 февраля. День решительный, в половине которого монархия уже не существовала. Революция с этой минуты шла, как искра по труту. В ночь все улицы покрылись баррикадами^[2], и только слышно было стук ломов, падение деревьев, звон железа о камень. В 10½ часов утра король назначил министрами Одиллона Барро и Тьерса⁵ и распустил Палату, но уже поздно. Никто не хотел более этих династических имен^[3], и я видел бедного Барро на лошади, окруженного малочисленной толпой работников, – его везли в М<инистерст>во, которым он не управлял. Тьерс был в Тюльери. Национальная гвардия^[4], очнувшись уже поздно от страшного своего промаха, кричала, что все уже кончено, и старалась уверить в этом и самое себя и других. Но в 11 ч. король отказывается от престола в пользу регентства герцогини Орлеанской и права на престол графа Парижского, с передачей всего дела на суд народа, а между 12 и 1 часом он тайком выезжает из Тюльери^[5] с королевой, одной принцессой, двумя внуками, послав сперва герцогиню Орлеанскую с ее детьми в Палату депутатов. И последняя надежда утверждения этого акта Палатой пропала. [В три часа] Между тремя и 4 часами ворвался народ в Палату, и, между тем как Барро отстаивал права графа Парижского, Ламартин протестовал против законности и возможности подобного решения одной Палатой, Кремье и Ледрю-Роллен [объявив] хотели отстаивать права всей Франции на определение формы правительственной, а герцогиня Орлеанская, сидевшая в верхнем [углу] ряду с детьми своими, бросила бумажку со словами, смысл которых был следующий: «Я, бедная мать, сама требую для несчастного сироты моего избрания всей Франции, всего народа». В это время [народ] ворвавшийся народ согнал Созе с председательского кресла^[6], расстрелял картину над трибуной, где был виден король, дающий присягу, кинулся на скамьи депутатов. Адский шум и сумятица наступили. Напрасно хотел Ламартин, Дюпон (de l'Eure), седший в председательские кресла, и Роллен составить тотчас же временное Правительство: никто их не слышал, и только к концу повлекли их в Ратушу^[7], где они при непостижимом смятении (Дюпон упал в обморок) и объявили Правительство, таким образом составленное: Араго, Дюпон, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари, Пажес, Кремье [Мараст, Луи Бланк, Фредерик Флокен, Альберт (работник)]. Весь остальной день они беспрестанно встречали толпы и говорили речи под саблями и пиками и только в ночь могли принять некоторые, самонужнейшие меры. В Палате какой-то Шевалье, посторонний человек, ворвался на кафедру^[8] и предложил посадить графа Парижского на лошадь и везти по Парижу, полагая это единственным спасением монархии. Ларошжаклен (легитимист) сказал Палате: «vous n'êtes rien, nous sommes rien, á present»⁶. Герцогиня упала в обморок при первых выстрелах народа, захватившего Палату. Депутаты вынесли за ней детей на руках кое-как, герцог Немурский, переодевшись в [кафтан] сюртук, выпрыгнул из окна в сад, и еще никто не знает, где они все и герцог Монпансье, тоже с ними бывший. В три часа я был перед Палатой и еще видел карету герцогини и маленькую лошадку с великолепным седлом, приготовленную для графа Парижского, и около кареты [которая стояла] довольно красивую женщину, верхом помужски [изображавшую реформу]. Она изображала реформу, махала саблей и кричала, что есть, мочи: «Guizot à la mort»⁷ при громких аплодисментах народа. После я видел ее мертвецки пьяной на набережной.

Но возвратимся к началу:

В 11 часов, когда все около меня говорили, что дело кончено, я увидел картину поразительную на бульварах. У Hôtel des Capucines уже ни одного солдата, пост занят был нацио-

⁵ Тьера.

⁶ «Вас более не существует, мы отныне ничто».

⁷ «Смерть Гизо».

нальной гвардией – страшная пустота, и во всю длину его высились эшелонами баррикады из камней, срубленных деревьев и отхожих колонн [для нужд]. При мне повалили террасу улицы *Butte des remparts* и опрокинули одну из этих колонн ломом, причем я видел превосходный экземпляр того, что называется: мальчишка, *gamin de Paris*. Он бил своим ломом в каменную колонну с невыразимой яростью. Не успел я войти к Гервегу (на бульварах же), как со стороны Пале-Рояля послышалась перестрелка. Через [три четверти] час или 1½ перестрелка стала умолкать постепенно: мы были в неопisanном состоянии лихорадочного страха и ожиданий происшествий. В это время народ вырезывал и расстреливал стражу^[9] [14 пехотного полка], отряд из 184 человек 14-го пехотного полка, того самого, который сделал вчерашний несчастный залп у Пале-Рояля, зажигал самую гауптвахту, врывался через улицу Валуа, переименованную теперь в *rue du 24 Février*, во дворец и предавал его полному и совершенному разрушению. Оттуда, разведя огонь из 12 королевских карет, найденных в близлежащей конюшне, он отправлялся через Карусельную площадь в Тюльери: войска на ней, которого считали до баснословного числа 40 т. человек, уже не было. Они все отретировались к Палате депутатов, к площади *de la Concorde*, кроме неисправимых *garde munizipale*^[10], еще стрелявших из окон его. Решетки дворца были отперты, короля уже не было, народ вошел в Тюльери почти без сопротивления. Он был теперь без Правительства и мог бы потопить Париж в крови, но справедливость требует сказать, что в эти анархические минуты ни одно [лицо] частное лицо и ни одна частная собственность не были им оскорблены. Это удивительно!

Еще удивительней, может быть, было зрелище, представшее нам в Тюльери, когда в 2 часа я с Гервегом и Сазоновым направился к Тюльерийскому саду. Весь он покрыт был колоннами работников в разнороднейших костюмах, с знаменами, двигавшихся в разных направлениях, с криками, воплями и песнями: все это походило на [маскарад] на какой-то странный маскарад. Представьте бал Оперы в день карнавала, только вооруженный и перенесенный на поле битвы. Между работниками в саду уже были люди в ливреях, перевезях, шляпах, даже церковных ризах, найденных в Тюльери. Одна толпа возила по саду ту женщину, которую мы потом видели около Палаты депутатов. Из всех окон дворца и почти из всех его отверстий, не исключая и крошечных, стреляли из ружей на воздух, трубили в трубы, на террасе били в барабаны, на среднем павильоне звонили в набат. Ухо наполнено было грохотом невообразимым, глаз разодран тысячью разноцветных костюмов, тысячью физиономий, одна другой необычайней, одна другой ужасней и смешнее вместе. Мы хотели пробраться через средний проход на Карусельную площадь, за теснотой не могли этого сделать и, возвращаясь назад, обошли дворец через набережную и на площади Карусельной встретили то же зрелище с прибавкой горящих экипажей, пустых пороховых ящиков, людей, скачущих в разные стороны из удалства на лошадях муниципальной гвардии, владельцы которых были убиты. Шум, крик и оргия торжества были тут в самом крайнем, в самом последнем своем проявлении. К картине этой следует еще прибавить разнородное вооружение всей толпы, сабли офицеров, тесаки солдат, штуцера кирасир, ружья пехотинцев и, наконец, кивера муниципалов, которые разносились на штыках высоко над головами, служа в одно время и знаменем и трофеем. Эти кивера заменили старые головы и члены убитых неприятелей и доказывали значительный прогресс времени. У некоторых с обнаженными руками и волосатой грудью торчали вместо киверов на штыках куски ветчины и хлебы, добытые в подвалах Тюльери. Многие уже были пьяны его винами и ревели во все горло. Профанация дворца была самая полная снаружи, но внутри она была еще разительней, как увидите. Я забыл сказать, что из разных этажей сыпались клочки бумаг, разодранных, выбрасываемых из окон, падали ставни и летели стекла на мостовую...

Крепко держались мы друг за друга и прошли через площадь *Concorde*, покрытую войсками, к Палате депутатов. Тут мы видели сцены, выше описанные, и конечную ретираду всех войск и артиллерии с опущенными ружьями и фитилями в казармы. Я сгорал желанием прогуляться в самый [Тюльери] дворец Тюльери с пировавшим там народом и отправился туда в

4 часа, Сазонов сопровождал меня. С трудом поднялись мы по [великолепной] раззолоченной парадной лестнице его, загроможденной народом, и очутились во всех этих [комнатах] залах, где Наполеон, Карл X и Лудвиг Филипп праздновали разнородные свои величия^[11]. Выстрелы не умолкали, [гам] шум носился страшный, паркетные полы растрескались под количеством этих ног, так вообще дурно обутых. Уже некоторые люстры были [разбиты] сорваны и выброшены из окон, бюсты короля уничтожены, портрет маршала Бюже в маршальском зале разорван, занавески разодраны, а в тронном зале стук топора около тронного балдахина показал новое намерение профанации. Действительно, трон был выброшен из окошка и торжественно сожжен на ступенях Июльской колонны^[12], что на Бастильной площади. И все это сопровождалось беспрестанными шутками: «Как же это ты здесь в блузе, – говорил один блузник другому, – *c'est indécent*»⁸. «Забыл заказать придворное платье к этому дню», – отвечал последний. Профанация делалась еще жгучее, резче в гостиных комнатах королевы и принцесс. Тут на великолепной постели лежал, растянувшись, молодец в чёботах, работники порохowymi руками перевертывали листы альбома, один мальчишка [играл] стучал по фортепьянам герцогини Орлеанской при громких аплодисментах слушателей, полупьяный человек стоял на [стуле] превосходном столе (Буль), черепаховом с нарезками и держал в руках сургуч, крича: «Вот сургуч, которым *l'infame gouvernement*⁹ печатало письма». Я попросил у него на память кусочек и получил. Всех сцен описать нельзя. Чудные ковры, покрывавшие полы, побледнели и вытерлись в один этот день более, чем они могли вытереться в 10 лет своего служения. Украдено почти ничего не было. В полночь комиссары нового Правительства заперли дворец, собрали в одно все его драгоценности, еще не попорченные, и вывезли их на другое утро. Так как монархия уже не может спать под кровом, обесчещенным более 3 раз в продолжение полувека^[13], то дворец сегодня (26-го февраля) объявлен будущим госпиталем престарелых работников – *Hospital des invalides civiles*¹⁰!

Впечатления этого дня еще не кончились!

Из Тюльери направились мы при тех же картинах по набережным к Ратуше. Туда и оттуда шли массы с той же физиономией саббаша, полного веселости. По сторонам там и сям горели гауптвахты. Один человек, уже совершенно пьяный, держал на штыке огромный кусок ветчины и, рассекая его тесаком, кричал: «*qui veut Louis Philippe?*»¹¹. Мы осторожно обошли его. [Притом] Составлялись невероятные процессии: на [лафе] пушечном лафете я видел одну такую с детьми, женщинами, девками и работниками в невероятных костюмах. Чудовищный карнавал растягивался по всему этому направлению, он был еще перейден сценами, какие мы встретили у Пале-Рояля на месте [прежнего] бывшего побоища. Спешу, однакож, прибавить, что я не слышал ни одного кровавого крика, ни одного воззвания к мести, даже простого оскорбления частного лица, а между тем весь город был покамест в руках работников, вместе с жизнью и имуществом ненавистной ему буржуазии. Я так устал, что идти далее уже не мог, и все мы (Сазонов и Гервег с женой (*неразборчиво*) с женой) решились возвратиться снова на бульвары через Пале-Рояль. Мы прошли через двор Лувра, где еще стояла верховая статуя молодого герцога Орлеанского и через улицу St. Honoré вышли на du Cod. Здесь баррикады стояли так близко друг к другу, в такой высоте и с таким стратегическим чутьем строителей, что походили на инженерные постройки. Мы перелезли кое-как три баррикады, из коих каждая имела все качества небольшой крепостицы. – Особенно помню одну, запершую собою четыре смежных улицы и образовавшую таким образом правильный круг, похожий на основание башни. Внутренность их уже была наполнена стоячей водой и грязью от уличных канавок, и в этой-

⁸ «Это неприлично» (*франц.*).

⁹ Гнусное правительство (*франц.*).

¹⁰ Госпиталь для инвалидов труда! (*франц.*).

¹¹ «Кто хочет мяса Луи Филиппа?» (*франц.*).

то [время] грязи волновался черный, ужасный народ. Переносили убитых и раненых в предшестве людей с факелами, обнаженных до полутела, в сопровождении воя труб, марсельской песни и криков: «chapeau bas devant les victimes»¹². Госпожа Гервег перелезала славно и выдерживала зрелище чрезвычайно бодро. У Пале-Рояля оно делалось все мрачнее и грознее. На площади его догорала гауптвахта, лежали еще трупы, и грязь уже была смешана с кровью, [облом] позолоченными обломками мебели, разлитым вином и углем. Сам дворец был пуст и мрачен: в нем не было ни одной двери и не одного стекла. Мы повернули на улицу Валуа, нынешнюю 24 Février, нога скользила по грязи, между тем как в лужах плавали бумаги и обгоревшие обломки. – Вступив на [двор] внутренний двор Пале-Рояля при адском лыуме, мы видели повторение того же, с той разницей, что под ногой звенели стекла и множество групп плясали перед [нами] огнями, поглощавшими мебель и разные вещи. Галерея в саде была заперта, и ни один магазин не тронут. Через противоположную сторону мы вышли снова на улицу St. Нопогё, сопровождаемые и окруженные всеми этими нагими грудями, всеми этими экзотическими лицами, [поверх] которые пробивались от времени носилками с ранеными и убитыми и криком: «chapeau bas devant les victimes». Через улицу Rivoli и La Paix возвращались мы никем не оскорбленные, никем не тронутые на бульвары, и в 7 часов я обедал у Сазонова.

Ночью бульвар, покрытый баррикадами, наполнился народом. Во всех углах стреляли из ружей на воздух в знак радости, зажглись разбитые фонари, и чадовое пламя, не огражденное стеклами, разносилось полосами. [Везде было] Все дома были освещены сверху донизу разноцветными фонарями, и линия бульваров, как и самих улиц, представляла волшебное зрелище. Группы беспрестанно составлялись, передавая новости дня [образовывались], расходились и снова образовывались: национальная гвардия уже была вся под ружьем [стараясь], оберегая по возможности внешний порядок. Революционные песни разносились, умолкали и снова подымались. На лицах всех [выра], одетых во фраки, выражались страх и недоумение, трепет будущих событий. Я сам никак не мог собрать собственных мыслей, и [никак не мог] нужно мне было [несколько] некоторое усилие мозга, чтобы представить себя посреди республики. В продолжение всего дня, можно с достоверностью сказать, никто не видел особенного воодушевления в пользу республики: и крики: «vive la réforme»¹³ слышались гораздо более на всех пунктах, чем крики: «vive la republique»¹⁴. Взятие Пале-Рояля и Тюльери было coup de main¹⁵ народа [который], чем цель для составления новой формы правительства. Зато народ [и не вырабо]-завоеватель и не породил Правительства из собственных своих недр, а взял его снова из радикальной буржуазии. Отсюда [пойдут все] должны выйти все будущие столкновения народа и Правительства. Консерваторы национальной гвардии, не вышедшие на битву, как мы сказали, теперь все были налицо, но уже поздно. Гомерическое удивление выражается теперь почти на всех [улицах] лицах.

Между тем у Ратуши Ламартин и все Правительство делали [сверх] чудеса усилий, чтобы сдержать, успокоить, вразумить народ. [Ламартин] В Ратуше образовалось нечто из заседания народного, перед которым говорили Ледрю-Роллен, Ламартин (сей последний с опасностью для жизни за желание предоставить Франции выбор правительственной формы и за отстранение красного знамени^[14]). Это же народное собрание провозгласило членами Правительства Луи Бланка и Флокона. Оно беспрестанно сменялось новыми толпами, перед которыми снова должны были объявляться члены Правительства. Один голос хотел Луи Наполеона представить в Правительство, другой – Одиллона Барро. [Едва успевали они.] Словом, едва успевало Правительство, особенно Ламартин, отпустить одну толпу, как прибывала новая, врывается в

¹² «Шапки долой перед жертвами» (франц.).

¹³ «Да здравствует реформа» (франц.).

¹⁴ «Да здравствует республика» (франц.).

¹⁵ Делом рук (франц.).

залу – и поглощала в себя новое Правительство, которое издерживало бесчисленное количество энергии, чтобы снова выказаться и сформироваться. Ламартин говорил беспрестанно, и только к ночи могли все члены его войти в себя и принять какие-нибудь меры. Покамест объявлена была республика под условием одобрения будущего Национального собрания, издана прокламация, возвещающая составление Временного правительства, и другая, увещающая не стрелять без нужды и сохранять порох для будущих происшествий: это были первые меры к водворению порядка.

Не знаю, спал ли кто-нибудь в наступившую ночь, что касается до меня, лихорадочное состояние лишило меня сна. Всю ночь слышались выстрелы и песни, но ни пожара, ни грабежа, даже воровства не было, а город был совершенно без власти. Так кончился этот невообразимый и неожиданный день!

Подробности бегства короля

Богатый портной Гумон, находившийся в верховой национальной гвардии, как человек, приверженный короля, вместе с 60 другими товарищами участвовал в спасении короля. Вот подробности, сообщенные им мне. Утром четверга, часов в [9] 6 король сделал смотр войскам и этому верховому отряду, с намерением убедиться в его расположении. Жаркие «vive le roi»¹⁶ убедили его, что он может положиться на него. Это доказывает, что король уже думал о бегстве в то время, когда назначал министрами Барро и Тьерса... Вскоре после смотра верховой отряд получил приказание вступить в сад Тюльерийский, где никогда не ставили кавалерию: тогда уже не было сомнения, что ему предоставлена была опасная честь [соста] сделать последнюю службу при короле. Около [1] 12 часов Луи-Филипп вышел во фраке с пакетом под мышкой в сопровождении королевы, внуков и одной принцессы на площадь. Он сказал отряду: «J'ai abdiqué M-ss, le vois laissez»¹⁷, но с таким жестом, который говорил: вы увидите, что будет после меня. Отряд его окружил и положил во что бы то ни стало вывезти его из Парижа *sain et sauf*¹⁸ в С.-Клу [Отрядом Гумона. Нашли какой-то.] У обелиска их окружила толпа народа, король хотел говорить, но увлечен был королевой. Нашли какой-то фиакр в одну лошадь, уже заготовленный заранее, посадили туда короля, королеву, двух внуков их (принцесса Немурская села с кучером), отрядили Гумона вперед махать белым платком и кричать: «le roi a abdiqué, le roi a abdiqué!»¹⁹ и помчались, что есть мочи. Народ кричал «браво» при известии об абдикации короля, но у Pont des Invalides чуть-чуть их не схватили. Один человек схватил лошадь за узду у одного ездока, кортеж приостановился, и король рисковал быть узанным, но опасность миновалась. Между тем в четверть часа были они в С.-Клу, как говорит Гумон. Тут семейство короля вышло перед дворцом, и король сказал: «Ai-je bien fait. Messieurs, dites-le moi?»²⁰, на что отряд, столпившийся около них, ответил [только] криками: «vive le roi»²¹, один гвардеец заметил, что если бы Правительство было немного полиберальней – ничего бы этого не случилось. Тогда королева, заливаясь слезами и положив руки на плечи мужа, стоявшего печально с опущенной головой, сказала: «Je vous le présente, Mss, comme le meilleur des hommes, je vous le présente encore une fois comme le meilleur des hommes. Il a toujours voulu le bien de son pays, toujours – mais l'opposition et l'étranger ont juré sa perte»²². Потом, обращаясь к отряду тронутому этой сценой, королева прибавила: «Я никогда вас не забуду, господа, никогда не забуду, что вы для нас сделали, никогда». [Многие поцеловать просили] Она дала руку свою близстоящему и удалилась с мужем во дворец. Через три четверти часа они въезжали в Трепор через Версаль [Остальной двор] [Лица двора прибыли в С.-Клу в двух омнибусах.]

¹⁶ «Да здравствует король» (франц.).

¹⁷ «Я отрекся, господа, я вас покидаю» (франц.).

¹⁸ В целости и сохранности (франц.).

¹⁹ «Король отрекся, король отрекся!» (франц.).

²⁰ «Правильно ли я сделал, господа, скажите мне?» (франц.).

²¹ «Да здравствует король» (франц.).

²² «Я вам говорю господа, что это лучший человек на свете, и еще раз повторяю, что это лучший человек на свете. Он всегда хотел добра своей родине, но оппозиция и иностранцы поклялись в его гибели» (франц.).

[Пятница 25, суббота 26, понедельник 27 февраля]

Первые меры Правительства и происшествия 25, 26, 27, 28 и 29

Журнал «des Débats» [вновь] поразителен. Объявив, что стремительность происшествий не дает ему до сих пор опомниться и что легко поймут чувства, наполняющие его душу, он просит для себя свободы, в которой никогда, говорит, не отказывал другим, и потом на пол-листе своем дает первые декреты нового Правительства. «Presse» требует доверенности к новому Правительству, а во втором своем №, объявляя себя республиканской, призывает народ к порядку. «Siècle» присоединяется к Правительству. «Constitutionnel» тоже. Дюпен, генеральный прокурор, предлагает [отдавать] свершить суд во имя народа. Архиепископ, благодаря народ за уважение к святыне, повелевает молиться за народ и свершить панихиду за убитых: вся и все начинают окружать новое Правительство как единственного представителя порядка.

Между тем, еще в четверг вечером листки журнала «La Patrie»^[15] дали имена лиц, составляющих Правительство, именно: Араго, Дюпон, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари, Мараст, Луи-Бланк, Альберт (работник). В страшную ночь, следовавшую за взятием Тюльери, Правительство конституировалось таким образом: Дюпон – президент без портфеля, Ламартин – иностранных, Кремье – юстиции, Роллен – внутренних дел. Гудшо – финансов, Араго – морской, Мари – публичных работ, Карно – просвещения и духовных дел, Бетмон – коммерции, Бедо, потом Сюберви – военный, Куртэ – начальник нац<иональной> гвардии, Каваньяк – Алжирии, мэр города и полиция – Гарнье-Пажес, потом помощником его – Бюшес²³, секретари Правительства – Арман Мараст, Луи Блан, Альберт (: работник). В замешательстве некоторые из этих имен были пропущены, а другие [изменены] не точны.

(X) [В ночь это новое Правительство издало прокламацию Франции об основании нового порядка вещей, объявив себя Правительством республиканским].

(X) В ночь это новое Правительство принимает важное решение: декретирует составление 24 батальонов национальной гвардии подвижной, которым назначено жалование 30 су в день и обмундировка на казенный счет: оно обращает таким образом сражавшихся на улице в защитников порядка и на другой же день направляет их в окрестности Парижа. В эту ночь с 24 на 25 именно самый [отстой] нижний слой народонаселения как столицы, так и окрестностей начинает жечь и грабить. Дворец Нельи обращается в пепел, причем, говорят, в подвалах его погибло до 100 самих зажигателей, упившихся сладкими винами короля; дача Ротшильда^[16] в Сюррене предается огню в то же самое время, как он дает в Париже 50 т. на раненых. Разрушения начинаются по железным дорогам: великолепный Аньерский мост, на С.-Жерменской линии мост сжигается, станция тоже, мост в Руане подлежит той же участи, и, наконец, на Северной железной дороге пожар идет до Амьена, начиная с С. Дени. Через несколько дней усилия подвижной гвардии, волонтеров и студентов вместе с локальными национальными гвардейцами и войском останавливают пожары и грабежи. Ряды парижской национальной гвардии пополняются всеми сословиями, и я видел уже на другой день людей в блузах и лохмотьях под ружьем вместе с буржуа, и они составляют полицию у баррикад, занимают мосты, одна часть их (: монтаньяры), захватившая префектуру полиции под начальством Коссидьера, ходит патрулем: город [совершенно] начинает обретать себя и создает себе власть. В пятницу свершается два акта: Ламартин под ружьями и саблями отстраняет красное знамя и признает только трехцветное с известной речью: «трехцветное наше знамя обошло весь мир, а красное только Champs de Mars». Но вместе с тем республика признается окончательно. Второй акт, о котором подробнее впоследствии, – это обязательство доставить работу всем работникам и пода-

²³ Бюше.

рок им – миллион, следовавший Луи-Филиппу, за которым [28 февраля] следует учреждение национальных мастерских и 28 февраля учреждение особой комиссии для организации работ, *commission pour les travailleurs*²⁴, которая будет заседать в Люксембурге под президентством Луи Блана и вице-президентством Альберта. [Все воодушевлено, все горит, стрельба из ружей.] Эта мера принята по требованию нескольких тысяч работников, собравшихся у Ратуши. Все движется, горит, возбуждено страшно. Выстрелы на воздух, громыхавшие всю пятницу, одна-кож начинают умолкать к воскресению. Под этим шумом и беспрестанным напором народа в Ратушу Пр<авительств>во издает декреты [каждый] и прокламации каждый час: 1) Заклады в ломбарде (*Mont de Piété*) не выше 10 франков отдаются безденежно владельцам, 2) плата по всем обязательствам отлагается для частных людей на 15 дней, до будущего 15 марта, 3) отворяются [все] темницы для всех политических и штатных преступников, 4) все титулы уничтожаются, 5) присяга на новую форму Правительства отменяется навсегда, как обманная вещь, доказанная опытом, 6) суд производится во имя французского народа, и в церкви предложено молиться: *Dominiun Salvam fac Republicum*²⁵ [Отдельные министерства в свою очередь тоже сделали бесчисленное количество] и, наконец самое важное, в субботу с лестницы Ратуши Ламартин при криках энтузиазмированного его речью народа объявляет уничтожение смертной казни за политические преступления. Отдельные министерства со своей стороны издают тоже бесчисленное количество предписаний. (Как в тетради)

Карно издает два замечательных декрета: [27 февраля] первым – восстанавливается забытое положение, по которому Академия должна послать комиссаров для исследования состояния земледелия, а вторым – открывает учителям [провинциальных] первоначальных школ (*école primaire*) возможность достигнуть всех ученых степеней и достоинств. Кремье – сменяет консервативных прокуроров, назначает Порталиса генеральным прокурором, который уже начинает процедуру обвинения экс-министров и суд над зажигателями окрестностей, наконец, приостанавливает исполнение всех смертных приговоров. Мари – объявляет начатие публичных работ и главную – работы [для провода новой железной дороги в самый город] на железных дорогах. Гарнье, как мэр, свидетельствует булочников, мясников – и находит, что продовольствия [всем] городу обеспечено на 33 дня, вместе с тем цена на хлеб поднимается. Невозможно описать сверхъестественных усилий Правительства, которое заседало в Ратуше 60 часов сряду, сменяясь и отдыхая попеременно... Первыми исполнителями их поручений, когда они еще не имели никаких агентов, была молодежь Политехнической школы и Университета: они разносили приказания, смирляли народ, спасали драгоценности Тюльери и шли против грабительства. Расторопность их и благотворное влияние на народ – выше похвал. В пятницу и субботу баррикады еще лежали на улицах, немного сдвинутые в сторону для проезда экипажей, в воскресенье для смотра всей н<ациональной> гвардии и прокламации республики у Июльской колонны (терраса которой по дождю не имела огромного блеска) они были почти совсем сдвинуты; в понедельник 28 февраля баррикады пропали, циркуляция восстановлена совершенно, и только торчали корни срубленных деревьев да лежали на тротуарах обломки отхожих колонн. Кругом начинают слышаться остроты и насмешки над республиканизмом, театры открыты, энтузиазм к республике, которого и вообще никогда не было, делается низким неимоверно. Во вчерашнем, 28 февраля, вторник, довольно крикливом представлении во Французской Опере «*La Mutte*»²⁶, возмущение которой показалось мне, между прочим, крайне пошлово, хлопали страшно песням: «*La Marseillaise*», «*Chant du départ*» (гимне *des Girondins*)²⁷, всем историческим остаткам большой революции 89 и 93 года, *no vive la république*

²⁴ Комиссия для рабочих (*франц.*).

²⁵ Господи, сохрани Республику (*франц.*).

²⁶ «Восстание» (*франц.*).

²⁷ «Марсельеза», «Патриотическая песня» (гимн жирондистов) (*франц.*).

выходило туго. Это, впрочем, ничего не доказывает, это еще остатки того чудовищного изумления, которое снизошло в пятницу на всех после неожиданного из всех событий. Между тем, республиканское Пра<вительст>во, как единственный представитель управления, получает с каждым днем, неимоверную силу. Около него собираются люди всех цветов. Все маршалы, все генералы, старая оппозиция; Тьерс, Дюфор, Билло, Барро, все духовенство, многие пэры (Гюго сделался, например, мэром одного парижского квартала), наконец, легитимисты, торжественно отказывающиеся от своего идеала герцога Бордосского^[17], и во главе их Беррье [доказывает], что, между прочим, всю их битву с Луи-Филиппом поясняет как мщение. Сказывают, сын Полиньяка записался в н<ациональную> гвардию. Притом же все они рады выйти из лживого своего положения. Теперь самое важное дело – присоединение к нему провинций, из которых покуда получаются самые разнородные, разорванные, неверные известия. Даже [клуб] Кабет со своим «Попюлером»^[18] и католические работники (глава их Бюше, как известно, сделался помощником парижского мэра) с «Fraternité» стали за Правительство. Клубы еще [запрещены] не показываются. Вместе с тем есть уже и недовольствие на многочисленные назначения Правительства (оно уже, говорят, завалено требованиями мест), взятые из старых династических либералов. Есть уже и «Ami du peuple» Распайя [но что-то фразист и что-то слишком рано показывается, чтоб иметь силу и право обвинения. Удары его все падают на воздух. Мы будем следить за ходом Правительства], да на днях, вероятно, и «Père Duchêne» покажется.

Вступление в революцию кончилось.

Среда, 1 марта. Правительство издало декрет, по которому предоставляет изменение налогов будущему Национальному собранию, удерживает покамест все существующие, равно как и все контракты и обязательства. Ларошжаклен пишет письмо Правительству, предлагая свою преданность. Гарнье-Пажес выбирает в секретари к себе работника Карбона, старого Дюпона помещают в Люксембург и главную команду над дворцом отдают Барбесу, заговорщику, в нем некогда судившемуся^[19]. Множество изменений в лицах по Академии и факультетам, сменены Орфила, Рауль-Рошет, Шампиньон-Фижак и др. [Дюпен с прокуратуры] Низар заменен Жаненом, и восстанавливаются в профессорстве Мишле, Кине и Конт. Страшная ломка позиций, требуемая обстоятельствами.

Заключение, 3-го марта, пятница

[Первый акт] Пролог революции, кажется, кончился. По известиям из провинций, вся Франция присоединилась к новому Правительству вместе с признанием его Англией, вчерась полученным, которая, впрочем, не назначает посланника по форме, представляя себе это сделать позднее. Настоящие революционеры начинают уже страшиться этого всеобщего признания нового Правительства, его силы, правительственных замашек и особенно в негодовании на декрет, который, удерживая все старые налоги, удерживает вместе с тем журнальный залог^[20] и тимбр²⁸. Боятся уже, чтоб перемена не произошла только номинально^[21], чему особенно способствует тенденция Правительства восстановить порядок во что бы то ни стало, бесчисленная раздача мест его лицам, показавшим привязанность к падшей династии (Кремье обвиняют в раздаче мест преимущественно своим [соотечественникам] одноверцам – жидам), и вообще в явном намерении остановить ход революции. Для противодействия этому направлению уже составился журнал «Peuple constituant», издается Ламенэ, Дюпра и другими лицами старой «Revue indépendante»; «Ami du peuple» издается Распайлем и воскрешающий роль доносчика и обвинителя, игранную некогда знаменитым его одноименником^[22]. Наконец, уже составились с этой целью клубы: Кабетовский^[23], который, говорят, своим коммунистам советует не покидать еще оружия, и другой под именем «Commission des défenseurs de la république»^[24] основанный Бланки, (*неразборчиво*) Барбесом, старыми заговорщиками и политическими осужденными с целью предостережения Правительст<ва> (: клуб этот распался на два клуба – Бланки и Барбеса). Много и других клубов составляется. Что Правительство быстро устанавливается, свидетельствует открытие всех судов, прекращение пожаров и должествующий скоро начаться правильный суд над зажигателями, грабителями и ворами, взятыми в Тюльери, Нельи и в железных дорогах (Версальской, Руанской, Северной), где много таких захвачено. «National» делается правительственным журналом, как некогда «Journal des débats». Циркуляры разных министерств, предписывающих везде дисциплину, отзываются тем повелительным тоном, который вообще свойственен всякому правительству во Франции.

[Правительство, по-видимому, установилось, но уже неудовольствие сильное. Второй акт революции будет – выборы в национальную гвардию и в Национальное собрание, а третий – само Национальное собрание. Не скрою, многие думают, что настоящее Правительство будет скоро свергнуто и не успеет издать закон о выборах в Собрание, нужду которого оно, может быть, чувствует более, чем вся остальная Франция.]

²⁸ Тимбр (от франц. timbre) – штемпель.

Окончание подробностей

Я забыл сказать, что в четверг 24 февраля, когда революция шла, как мы видели, со скоростью зажженной пороховой нитки, король в 10½ часов назначил министров: Одиллона Барро, Тьерса, Дювержье. Вот прокламация:

Citoyens de Paris! L'ordre est donné de suspendre le feu. Nous venons d'être chargés par le roi de composer un ministère. La Chambre va être dissoute. Le général Lamoricière est nommé commandant en chef de la garde nationale de Paris. MM Odillon Barrot, Thiers, Lamoricière, Duvergier de Hauranne, sont ministres. Liberté! Ordre! Union! Réformes!
Singé: Odillot-Barrot et Thiers²⁹.

Вторая прокламация была в час:

Citoyens de Paris
le roi abdique en faveur du comte de Paris avec la duchesse d'Orléans pour régente.
Amnistie générale.
Dissolution de la Chambre.
Appel au pays.³⁰

Третья прокламация была издана в ночь, но уже исходила из Временного правительства. Вот ее начало: «Un gouvernement rétrograde et oligarchique vient d'être renversé par l'héroïsme du peuple de Paris, le gouvernement s'est enfui en laissant derrière lui une trace de sang, qui lui défend de revenir jamais sur ses pas»³¹. Подпись: члены нового Правительства.

В продолжение этого дня я видел еще несколько прокламаций, которые бегущие происшествия поглощали одну за другой: так, у Палаты сорвана была народом прокламация Ламорисьера, призывавшего к порядку национальную гвардию, которой он был назначен на минуту командиром, и прокламация тоже минутного министра Барро, призывавшего народ собраться около графа Парижского и в новом принце, как и во вдове, матери его, отыскать спасение от анархии и гарантию свободы: все напрасно.

Ламорисьер был даже ранен в руку у Пале-Рояля перед постом, у двух адъютантов его убиты лошади! В этом poste вместе с муниципальной гвардией и солдатами 14-го пехотного, его защищавшими, сгорело 20 человек, арестованных накануне. Подробности спасения драгоценностей из Тюльери довольно любопытны. Так, корона с бриллиантами и другими вещами спасены были тем, что из них сделали нечто, похожее на раненого, положили на тюфяк и вынесли, крича: «place aux victimes! chapeau bas!»³² Бастид^[25] снес другие драгоценности с помощью работников. Бриллианты и вещи герцогини Орлеанской сложены были в ванну, прикрыты покрывалом, и четыре работника сидели на ней, распевая до тех пор, пока можно было их вынести. Все эти вещи сложены теперь в м<инистерст>ве финансов. Впрочем, захвачено множество и воришек. У какого-то по имени Лефавра найдено около [80] 1500 т. золотых и

²⁹ Граждане Парижа! Дан приказ прекратить огонь. Мы только получили распоряжение короля составить министерство. Палата будет распущена. Генерал Ламорисьер назначен командующим национальной гвардией Парижа... Одиллон Барро, Тьер, Ламорисьер, Дювержье-де-Оран – министрами. Свобода! Порядок! Союз! Реформа! Подписи: Одиллон Барро и Тьер (франц.).

³⁰ Граждане Парижа! Король отрекается от престола в пользу графа Парижского, регентшей будет герцогиня Орлеанская. Всеобщая амнистия. Роспуск Палаты. Призыв к стране (франц.).

³¹ «Только что героизмом парижского народа свергнуто ретроградное, олигархическое правительство. Правительство бежало, оставив за собой кровавый след, который запрещает ему когда-либо вернуться обратно» (франц.).

³² «Место жертвам! Шапки долой!» (франц.).

билетами. Нет сомнения, что теперь есть люди более счастливые, избежавшие поимки и сделавшиеся в эту минуту из нищих богатыми. Подписка на раненых производит гуммы невероятные, а их только, по слухам, около 500 человек – все они по милости революции выйдут из госпиталей достаточными людьми.

[Через неделю. Март месяц]

От субботы 4 марта по субботу 11 марта

[Происшествия бегут с неимоверной быстротой, но это уже не уличные происшествия, а правительственные меры, из которых каждая есть событие. Первые дни была ломка индивидуальных положений, лиц – теперь идет ломка установлений, страшная и многозначительная в будущем...

Прежде надо сказать, что, по какому-то внутреннему колебанию нового кабинета, Правительство хотело удержать штемпель на журналы, смешивая этот чистый политический налог старого правления с финансовым. Всеобщее негодование, возбужденное этим, готово было превратиться в инсurreкцию. Правительство отступило, но так нерешительно, что чуть-чуть не потеряло совершенно народности на первых днях своего существования. Оно именно сперва объявило себя не в праве изменять налоги, потом уничтожило его на десять дней перед выборами в Национальное собрание и, наконец, совсем отменило вместе с Сентябрьскими законами^[26], запрещением ассоциаций, вместе со всей процедурой, касательно преступлений печати, и вдобавок еще восстановило старый революционный закон, по которому присяжные при всех судопроизводствах должны иметь не простое большинство для приговора, а непременно большинство, по крайней мере 8 голосов из 10. Все это, однакож, было уж несколько поздно, когда 5 декретов, следовавших почти один за другим, подняли снова отходящее общественное мнение и составили ему как настоящих друзей, так и настоящих врагов. Эти 5 декретов суть, по-моему, новая революция. Вот они в кратком очерке:

1) Циркуляр Ламартина к дипломатическим агентам Франции и пути, которому Франция намерена следовать в своих иностранных сношениях, от 2 марта. В нем он объявляет] (X) Что Республика не имеет нужды в признании европейских держав для своего существования, что она точно также не имеет нужды в войне и кровавой пропаганде, что она требует мира, но почтет себя счастливой, если будет принуждена взяться за оружие и покрыть себя посильной славой. Вместе с тем министр не признает трактатов 1815 года, но для дипломатических сношений принимает за основание государства, им основанные. В этом круге Франция, желающая спокойствия для собственного развития, будет держаться до тех пор, пока которая-нибудь из угнетенных европейских национальностей не подымется силою и сама Франция не увидит, что час для исполнения декретов провидения пробил... Итак, пусть народы не боятся Франции и пусть сами в недрах своих свершают нужные им преобразования. Ламартин заключает манифест словами: *Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots* (то есть девиз Республики: *liberté, égalité, fraternité*) *qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un de ces mots qui ne signifie paix*³³.

[Как изворот] Манифест этот, конечно, несколько двойственен, но как подделка совершенно нового принципа под старую дипломатическую колею – есть мастерская вещь. Ради-кальные партии всех цветов поняли необходимость этой уступки старому порядку вещей, этой маскировки, требуемой обстоятельствами, единогласно назвали документ *chef d'oeuvre*. Журнал «*des Débats*» только, приведя его, прибавил: в нем, как всегда [виден весь г. Ламартин] г. Ламартин выказал свои два основных качества: *grandeur et confusion*!³⁴ Вслед за манифестом произошла Бартоломеевская ночь^[27] посланников и секретарей посольств: лаконическим

³³ Если Франция сознает свою либеральную и цивилизующую миссию в этом веке, то ни одно из этих слов (то есть девиз Республики: свобода, равенство, братство) не означает войны. Если Европа осторожна и справедлива, нет ни одного из этих слов, которое не означало бы мира (*франц.*).

³⁴ Величие и путаница! (*франц.*).

декретом, начинающимся словами: *ont été révoqués de leur fonctions*³⁵ все посланники и множество секретарей сменены, но не замещены. 2) Второй декрет от 5 марта объявлял всеобщие, прямые и безусловные выборы в Национальное собрание. Основанием их положено только народонаселение. Каждая масса в 40 т. человек дает депутата. Все должны быть избирателями, все могут быть избранными. Ограничения следующие: для избирателя требуется 21 год, для избираемого – 25 лет и для обоих ненахождение под судом или под гнетом позорного (*infamant*) приговора. Даже не требуется условия грамотности для обоих, а условия состояния отстраняются тем, что государство дает 25 франков в день избранному на все время заседаний. Депутатов будет 900 (собираются в старой Палате депутатов, в которой будут сделаны нужные переделки), и так как каждый департамент по народонаселению имеет разное число депутатов, то избиратель должен непременно все это число имен написать в своем бюллетене. Париж с окрестностями, например, (департамент *Saine*) имеет 34 депутата, и каждый его квартал должен представить 34 депутата. Из них выбираются уже наиболее получившие голосов, причем условие для [каждого депутата] депутатов – иметь по крайней мере 2000 голосов. Правило это распространяется на Алжирию^[28] и распространяется на войско! Полк разбивается на столько частей, сколько в нем [есть представителей] находится солдат из разных департаментов. Эти солдаты, разбитые на департаменты, пишут каждый число депутатов, положенное их [месту жительства] департаменту, а полковник отсылает, запечатав все эти записки, в главный его город, где они присоединяются к другим. Выборы положено начать 9 апреля, а 20 того же месяца – открыть само Собрание. В инструкции от 8 марта, сопровождавшей декрет, кроме разных правил для составления листов избирателей и способа избрания, – указано, что все деревенские избиратели приходят в главный город округа и там в присутствии мэра, по вызову и по порядку деревень, кладут свои билеты, которые могут быть ими составлены заранее [Билеты эти потом пересылают в главный город]. По объявлению результатов все следственное дело выборов (*procès-verbal*) пересылается в главный город департамента, и там в Ратуше имена эти окончательно присоединяются к именам, собранным в самом городе, – и объявляются депутаты, удостоенные чести заседать в Национальном собрании. Все это должно, разумеется, произвести некоторое замешательство, но принцип поставлен. Все ожидают результата его с сжатием сердца. С первым объявлением декрета чистые демократы, видя, что время весьма коротко для выборов, а деревенская популяция департаментов весьма мало воспитана политически [кинулись составлять], что может составить монархическое Собрание вместо республиканского, кинулись составлять электоральные³⁶ комитеты (центральный для Парижа^[29] находится в *Bazar Bonne-Nouvelle* и состоит под покровительством партии Мараста). В них должны заранее составляться листы депутатов-патриотов и совсем готовые рассылаться по деревням и общинам. В каждом городе департамента будет образован один такой центральный демократический комитет, который должен находиться в переписке с парижским и с провинциальными комитетами, составляя таким образом сеть огромную. Покуда это еще удалось только партии цвета Мараста. Между тем, не дремлют и старые династические либералы, прогрессивные консерваторы, а всего более приверженцы регентства: они тоже начинают составлять территориальную деревенскую пропаганду в пользу своих идей. Декрет Правительства предвидел этот набег побежденных партий на крестьян и от этого положил делать выборы не в общинах, а в городах кантона и в главном городе департамента, где гораздо более политической жизни, знания дела и республиканской партии, которая будет ликвидировать попытки роялистов. В этом недавно еще упрекали его; в «*club républicain pour la liberté des élections*»^[30], составленном под председательством Вьенне из филиппистов, банкиров, консервативных собственников и династической оппозиции, начинающих уже подымать голову, и вместе с такими же клубами «*des*

³⁵ Имеет быть упразднена их должность (*франц.*).

³⁶ Электоральные (от *франц. électoral*) – выборные.

prévoyants»^[31] (rue de l'Arcade, 60), клубом «comité préparatoire pour l'Assemblée Nationale»^[32], (rue Neuve Saint-Georges, 10), клубом «de la Garde Nationale»^[33] (boulevard Montmartre, 10), образовали консервативную партию весьма сильную^[34]. Между тем, множество других радикальных клубов, еще не успевших захватить выборов, как партия Мараста, – просят отсрочить выборы, и во главе их стоит покамест сильнейший еще клуб после Кабетовского («Société fraternelle centrale») – клуб «Société centrale républicaine», salle Conservatoire de Musique^[35] (rue Bergère) под председательством старого заговорщика Бланки. Многие депутации от них уже представили свои просьбы в Hôtel de Ville, но Правительство еще сопротивляется, отложив только выборы офицеров в новую национальную гвардию до 25 марта, вместо 18, как было назначено.

3) Самый страшный вопль в разнородных партиях, уже образовавшихся, и в эту минуту, может быть, предтеча новой революции [есть], был циркуляр Ледрю-Роллена (министра внутренних дел) 11 или 12 марта к комиссарам Пра<вительст>ва в де<партамен>ты. Известно, что Пра<вительст>во послало в де<партамент>ы в первую минуту молодых людей объявить и устроить Республику. Роллен ввиду выборов [и для основания] предоставил им безграничную власть, как старым проконсулам 93 года^[36]. [Объявив, что первое их старание должно быть – отстранить всех людей старого времени и споспешествовать выбору de tous les hommes de la veille (старых республиканцев) et pas du lendemain (новых республиканцев), он для этой цели дает им право.] Объявив, что главнейшая их обязанность теперь – составить республиканские выборы, он с этой целью дает им право уничтожить враждебные муниципалитеты, употребить военную силу и сменить начальников ее, сменять всех префектов и подпрефектов,^[37] и, наконец, даже суспендировать³⁷ лиц пожизненной магистратуры^[38]. Диктаторский тон циркуляра был еще страшнее самого содержания его, которое, сказанное с некоторою осторожностью, прошло бы, может быть, незамеченное в революционное время. Поднялся страшный, ужасный крик *sauve qui peut*³⁸ в Париже. Закричали, что свободы выборов уже не существует, что время террора наступило. Уже и прежде капиталы стали скрываться, богатые отпускали людей, и все сжималось [в первый день], на следующий день все билеты упали на бирже неимоверно и неожиданно, пятипроцентные билеты – на 74–50 и 72, акции банка понизились на 300 франков, золото поднялось до 50 франков лажа на тысячу, 1400 ф. стало 1700. Многие стали бежать из Парижа [на третий день было еще хуже; сами банковые билеты уже возбуждали]. Наконец, поднялось само серебро, а банки были вчера (15, среда) буквально атакованы людьми, которые его билеты старались поскорее променять. [Капиталы скрываются, никто не хочет издерживать ни полушки лишней.] Коммерция вдруг остановилась совсем, а на конце всего этого можно было предвидеть разорение фабрикантов, голодную смерть работников и дислокацию государства. Чтобы судить о состоянии умов и паническом страхе, овладевшем всеми, стоит только прочесть рапорт директора банка Даргу (прежнего д'Аргу). Он извещает, что с 26 февраля по 14 марта уплачено банком 70 миллионов из наличной суммы 140 миллионов и 14 марта осталось в кассе только 70 миллионов. «Ce matin, – продолжает он, – une panique s'est déclarée. Les porteurs de billets se sont présentés en foule à la Banque. De nouveaux guichets d'échange ont été ouverts pour accélérer le service. Plus de 10 millions ont été payés en numéraire. Il ne reste ce soir à Paris que 59 millions»³⁹.

Вместе с тем кредитная ажиотация перешла сама собой на улицу^[39]. Первая мысль, разумеется, была, что это действие злостных буржуа, которые хотят привести Республику на край гибели финансовым террором. ... С 14 начались составляться группы на улицах, в которых гово-

³⁷ Суспендировать (от *франц.* suspendre) – временно отстранить от должности.

³⁸ Спасайся, кто может (*франц.*).

³⁹ «Нынешним утром, – продолжает он, – обнаружилось движение панического страха в публике. Предъявители банковых билетов явились к дверям его целыми массами; были открыты новые конторы размена; более 10 миллионов выдано звонкой монетой; сегодня к вечеру в Париже остается только 59 миллионов» (*франц.*).

рили о способах остановить эмиграцию [во внутрь] из Парижа и заставить богатых издерживать их деньги, скрываемые ими для гибели коммерции и работников. Множество проектов для достижения этой цели, имевшие, по обыкновению, совершенно обратное действие, прибиты были на улицах. Правительство, однакож, объявив банковые билеты монетой, остановило [этим выдачу денег из банка] этим промен билетов в банке и дозволило ему выдать новые во 100 франков. Все это подняло несколько фонды, кредит и доверенность, но всего более речь Ламартина на депутацию от клуба Свободных выборов (: старых династиков), в которой он сказал, намекая на циркуляр Роллена, произведшего все это волнение: «*Le gouvernement provisoire n'a chargé personne de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois (Bravo!)*!»⁴⁰.

И потом, заверяя, что сам Роллен не имел намерения заместить господство народа своим собственным и свободные выборы – подкупом, страхом – прибавил: «*Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts!*»⁴¹

В тот же вечер (: среда, 15) разнеслась речь по городу, и я видел сам одного энтузиаста часов в 11 в Пассаже de l'Орэга, читающего речь при многочисленном стечении народа со слезами на глазах и дрожащим голосом. Наконец, Правительство за подписью всех членов его издало манифест в четверг, в котором полагает за первый признак своего существования уважение к собственности, к мнению, к свободе выборов, а за необходимость – [только оставление последнего] – только отстранять от последнего все, что может помешать существованию Республики, уже всеми признанной! Министр юстиции объявил, что без его ведома никто сменен быть не может.

Перипетии эти, однакож, еще не кончились. Почти вслед за циркуляром разнеслись слухи, что Правительство разделено на две партии: Ламартиновскую с Nationale-вской и социальной Луи Блана и Ролленовскую с «Реформой» и монтаньярами его. Почти в одно время старая национальная гвардия, сильно возбужденная против Ледрю-Роллена, объявила себя за Ламартина. Клубы и гвардия мобильная за второго, которого [откровенность] замашки им казались откровенно революционными. В понедельник 13, вторник 14, среду 15 первая партия (старой гвардии и людей прежнего порядка) писала протестацию. Кератри подал в отставку из Государственного совета, не желая быть, как говорил в письме, [орудием в чужих руках] слугой никакой тирании. Клуб выборов, как мы видели, ходил сам к Ламартину объясняться, но в четверг 16 партия вздумала выйти на улицу и сделать целой массой протестацию против диктаториальных тенденций некоторых правительственных членов. Исполнение приняла на себя национальная гвардия, а органом ее сделалась газета «*La Presse*». Тут сделана была, однакож, [страшная] непростительная ошибка: во-первых, 14, вместо посылки депутатов, прежняя национальная гвардия вышла сама, хотя и без оружия, но в мундирах и в числе тысяч 10, хотя журналы возвели это число до 25 т. Это уже имело вид инсurreкции и противоречило их собственному принципу порядка (эта гвардия, между прочим, составила клуб в Boulevard Monmartre, № 10, и основала свой орган в печати «*l'Ordre*»). Во-вторых, вместо протестации против тенденции и циркуляра, она стала протестовать в собственном своем деле, а именно: декретом 14 марта Роллен уничтожил избранные компажи⁴² в национальной гвардии (*compagnies d'élite*), гренадеров с их волосатыми шапками и волонтеров с уланским и богатым костюмом, указав разместить их по другим батальонам, где они должны вместе с прочими участвовать в выборах офицеров и начальников. Оскорбленные компажи подбили прежнюю гвардию идти вместе с

⁴⁰ «Временное правительство никому не давало права говорить от его имени с пародом и главное – не давало права говорить языком, который был бы выше закона (браво!)» (*франц.*).

⁴¹ «Мы хотим основать Республику, которая была бы образцом современных правительств, а не подражанием ошибок и несчастий прошлого. Мы принимаем его славу и отвергаем его безначалие и проступки!» (*франц.*).

⁴² Компажи (от *франц.* *compagnie*) – роты.

ними требовать восстановления их для того, чтобы они могли с знанием людей вотировать на выборах, ибо в [новых] батальонах все лица им не известны. Таким образом принцип свободы выборов сведен был на частное тщеславное дело с оскорблением самого главного в ту минуту чувства, чувства равенства, и народ в ту минуту же назвал всю протестацию *protestation des bonnets à poil*⁴³, хотя в объявлении [гвардейцы] гренадеры и волонтеры отказывались от всех наружных знаков отличия. Народ [поступил еще решительней] не ограничился, разумеется, шуткой. Я видел в четверг, в 12 часов, 16 марта все эти легионы в необычайном порядке, доказывавшем, что мэрия кварталов участвовала в заговоре, проходивших через бульвары и площадь *Madeleine*, рука в руку, в мундирах, без оружия, молчаливо и важно. На набережной, почти перед площадью *Hôtel-de-Ville* их встретил начальник национальной гвардии генерал Куртэ, прося и приказывая разойтись и объявляя их демонстрацию бунтом. Произошла скандальная сцена: первые легионы не послушались и продолжали шествие; на самой площади народ встретил их камнями, не допуская к Ратуше. Между тем, на набережной, после бесполезных увещаний Куртэ, народ принял дело на себя, загородил дорогу остальным легионам, стал делать баррикады, называя их бунтовщиками в мундирах. Группа народа состояла, говорят, из 100–150 человек. Легионы, в числе которых было множество людей, получивших приказание на сбор из мэрии и не знавших хорошенько, в чем дело, тотчас же и разошлись со всеми заготовленными депутациями. То же сделали легионы, уже добравшиеся до площади и встреченные там народом. Кое-каким депутациям (от каждого легиона была одна такая) удалось разрозненно и без всякой связи представиться Правительству, и там получили они довольно строгие слова Мараста, Бюше [несколько наставлений Ламартина]. Вся демонстрация, что называется, упала в воду.

Но воодушевление в Париже в наступивший вечер было невероятное. Я направился в клуб *Société républicaine central* к Бланки, в Консерваторию. Сцена ее, освещенная пятью или шестью свечами и с которой привыкли слушать в концертах ее море гармонии и звуков, походила на темное подземелье. В большой люстре горело несколько ламп, хоры были заняты людьми в блузах, сюртуках и женщинами из народа. В партер пускали или членов, или с доплатой одного франка. Я поместился в партере. Бланки еще не было, председательствовал какой-то старичок. Господин с бледным лицом, черными волосами, с фанатическим воодушевлением кричал: «Консерваторы, династики, роялисты, буржуа – сделали демонстрацию... нам надобно их спасти! *Sauvons-les, Messieurs, sauvons-les*⁴⁴, сделаем сильную народную демонстрацию, чтобы отбить у них всякую охоту на будущее время... *Sauvons-les*, – и он махал руками, – для их жен, для их почтенных жен, умирающих от страха». Яростные аплодисменты и хохот. В разных местах раздаются свистки. Один человек свистит на самой сцене. Президент говорит: «Разрешаю публике произвести над свистком суд, самые близстоящие люди имеют право выгнать свисток». Голоса: «Подле вас свистят». Голоса на сцене: «Вот кто свистит». Президент, обращаясь к группе и к человеку: «Если вы имеете возразить на мнение оратора, я вам даю слово». Голоса: «*à la tribune! à la tribune!*»⁴⁵ Свисток убегает... Шум... Президент стучит невероятно молоточком по столу. Выходит черный человек (кажется, г. *Hyppolite Bonnelier*, бывший актер на сцене в Одеоне) и с невероятной быстротой речи говорит: «*Citoyens! La conduite de Mr Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable...*»⁴⁶

Голоса: «*oh, oh, oui, oui, non, non*»⁴⁷. Подле меня один, раскрасневшись и в каком-то опьянении дискуссией, кричит: «*oui*», а потом, переговорив с соседом, кричит: «поп». Прези-

⁴³ Протестация меховых шапок (франц.).

⁴⁴ Спасем их, господа, спасем их (франц.).

⁴⁵ «На трибуну! На трибуну!» (франц.).

⁴⁶ «Граждане! Поведение г. Ламартина в деле циркуляра самое плачевное...» (франц.).

⁴⁷ «О, о, да, да, нет, нет!» (франц.).

дент стучит. Оратор, после оговорки в пользу Ламартина, продолжает: «Но нам надобно утешить добродетельного Ледрю-Роллена во всех огорчениях, которые он, вероятно, испытал в бескорыстной службе Республике». (Это уже чистое подражание якобинизму, когда он отзывался о Робеспьере.) Раздается «браво!» – со всех сторон. Выходит другой господин и говорит: «Какой бы прием мне ни сделала публика, но честь заставляет меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена». Ужасный шум... Кричат: «à bas, parlez!»⁴⁸ Оратор останавливается и становится под покровительство президента. Мой сосед кричит страшным образом: «à bas», но когда президент удерживает слово оратору, также страшно кричит: «parlez», метая вокруг себя дикие взоры. Но оратор уже успел сконфузиться и прибавляет: «Я истинный республиканец и в некоторой степени совершенно принимаю циркуляр». Хохот... Наконец, является Бланки, человек небольшого роста, с седыми короткими волосами, костистым лицом, похожим на череп, которое при свете шандалов кажется синим, и объявляет хрипловато-визгливым голосом, что на другой день (от 10 до 12) назначена демонстрация от всех ремесел и от всех клубов к Правительству для заявления ему готовности защищать его от всех инсurreкционных попыток враждебных партий и вместе с тем просить его: 1) [Навсегда] Не впускать военные силы в Париж, 2) отложить выборы в национальную гвардию до 5-го мая, 3) отложить выборы в Национальное собрание до 31 мая. Раздается сильный голос при последнем параграфе: «Vous voulez la perte du pays»⁴⁹. Все расходятся в неопиcуемом волнении...

Этот сколок дает понятие о том, что происходит теперь почти во всех клубах. Бланкистский еще сильнейший и наиболее пользуется влиянием, за исключением, впрочем, Кабетовского, но этот со своим икарийским оттенком знаем только одной партией, хотя и сильной. Можно сказать, что только основатели их знают, что делают, а [члены] заседания, головы, речи находятся в страшном, неимоверном беспорядке. Этот хмель политических бесед и ассоциаций, так долго воспрещаемых, проявляется в блеске глаз, быстроте слова, фантазии у оратора, визге и трепетании у слушателей. [В клубах] Пробавляются и те, и другие воспоминаниями старой революции, вычитанными тирадами у якобинцев, современными журнальными статьями и своими фразами... Каково – это известно [вы видели]. Я еще помню одного оратора, который демонстрацию национальной гвардии сравнивал с мухой, которая кусает и беспокоит Временное правительство во время его занятий. «Нам надобно всем подняться, чтобы отогнать эту муху», – присовокупил он. Клуб «de l'Emancipation des peuples»^[40] представляет покуда настоящую анархию. В некоторых клубах даже доходило до драки. Один Кабетовский правильнее и спокойнее, но это потому что в нем почти всегда один только человек и говорит – сам Кабе. [Он подходит более на секту, основатель – на первосвященника, чем на клуб.] Он очень смахивает на первосвященника. Иностранные клубы не лучше. Помню заседание Немецкого демократического общества^[41]

⁴⁸ «Долой, пусть говорит!» (франц.).

⁴⁹ «Вы хотите погибели отечеству» (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...вся масса откинулась назад... – Речь идет о расстреле мирной демонстрации на бульваре Капуцинов в 10 часов вечера 23 февраля 1848 г., что и послужило сигналом к революционному выступлению парижского народа.

2.

В ночь все улицы покрылись баррикадами... – См. у Марка Коссидьера «Канун революции»: «Весь этот вечер, вся ночь с 23 на 24 февраля имели зловещий вид. Подготовка восстания проводилась с необычайной энергией, молча, без всякого вмешательства военной силы. Париж превратился в сплошной двор для построения баррикад с Гентского бульвара до площади Бастилии, от ворот Сент-Дени до Сены» («Революция 1848 г. во Франции в воспоминаниях участников и современников». М., 1934, с. 74).

3.

Никто не хотел более этих династических имен... – Речь идет о вождах династической оппозиции в период Июльской монархии О. Барро, А. Тьере, М. Моле и др.

4.

Национальная гвардия – см. прим. к очерку «Февраль и март в Париже 1848 г.» (I часть), п. 6.

5.

...он тайком выезжает из Тюльери... – После февральского переворота король Луи Филипп (правил в 1830–1848 гг.) бежал с семьей из Парижа сначала в Нормандию, а затем в Англию.

6.

...ворвавшийся народ согнал Созе с председательского кресла... – Речь идет о появлении баррикадных бойцов 24 февраля 1848 г. в зале палаты депутатов, председателем которой был Созе Жан Пьер (1800–1876), французский адвокат и консервативный политический деятель, орлеанист; в последние годы правления Луи Филиппа председатель палаты депутатов.

7.

...повлекли их в Ратушу... – Ратуша Парижа – традиционное место провозглашения всех революционных правительств Франции.

8.

...какой-то Шевалье, посторонний человек, ворвался на кафедру... – Выступление в палате депутатов 24 февраля 1848 г. бывшего редактора французского научного журнала «Bibliothèque historique» Шевалье Гильома Августа (1809–1868), французского политического деятеля, не являвшегося депутатом палаты.

9.

...народ вырезывал и расстреливал стражу... – Речь идет о сражении у Шато д'О, гауптвахты, прикрывавшей дворец Тюильри.

10.

Garde municipale – муниципальная гвардия (см. прим. к I части очерка «Февраль и март в Париже 1848 г.», п. 12).

11.

...где Наполеон, Карл X и Лудвиг Филипп праздновали разнородные свои величия. – Дворец Тюильри был местом официальной резиденции Наполеона I, Карла X и Луи Филиппа.

12.

Июльская колонна – см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 47.

13.

...обесчещенным более 3 раз в продолжение полустолетия... – Имеется в виду изгнание Людовика XVI в 1792 г., Наполеона I в 1814 г. и Карла X в 1830 г. из дворца Тюильри.

14.

...за отстранение красного знамени. – Речь идет о выборе государственного знамени Французской республики в первые дни февральской революции 1848 г. Рабочие Парижа требовали объявить государственным знаменем – красное знамя, поднятое впервые в рабочих предместьях Парижа во время Июльского восстания 1832 г.; представители буржуазии, республиканцы настаивали на трехцветном (сине-бело-красном) знамени, принятом в период Великой французской революции.

15.

«La Patrie» – «Родина», французская ежедневная политическая газета коммерсантов, выходившая в Париже с 1841 по 1866 г.; в период Июльской монархии и революции 1848 г. – орган монархистов, редактор Ж. Ф. Пажес из Арьежа.

16.

Ротшильд Джеймс (1792–1863) – французский финансист, глава банкирского дома.

17.

...легитимисты, торжественно отказывающиеся от своего идеала герцога Бордосского... – Французская монархическая партия в период Июльской монархии, поддерживавшая притязания на престол представителя старшей ветви Бурбонов герцога Бордосского, графа Шамбора, Генриха Карла Фердинанда (1820–1883).

18.

«Попюлер» – «La Populaire» – «Народная газета», пропагандировавшая идеи утопического коммунизма, выходила в Париже с 1833 по 1835 и с 1841 по 1850 г., под редакцией Э. Кабе.

19.

...в нем некогда судившемся... – Французский революционер Арман Барбес принимал участие в тайном революционном обществе «Времена года» и был одним из вождей антиправительственного заговора 12 мая 1839 г.; после неудачной попытки восстания Барбес был арестован, судим и приговорен к смертной казни, но по ходатайству В. Гюго казнь была заменена пожизненным заключением, от которого Барбеса освободил восставший парижский народ в феврале 1848 г.

20.

...удерживает вместе с тем журнальный залог... – Денежный залог, вносимый редакторами французских журналов и других периодических изданий согласно закону о печати 1835 г.

21.

...чтоб перемена не произошла только номинально... – Ср. у К. Маркса: «Буржуазные республиканцы «National» забавлялись тем, что меняли монархические имена и костюмы на старореспубликанские. Для них республика была лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 7, с. 18–19).

22.

...игранную некогда знаменитым его одноименником. – Имеется в виду газ. «Ami du peuple par Marat» – «Друг народа», издаваемая Маратом в 1789–1793 гг.

23.

Кабетовский – клуб «Comite fraternite centrale» («Центральное общество братства»), организован Э. Кабе в марте 1848 г.; клуб проводил свои заседания в публичном зале Сент-Оноре, объединял около 8000 сторонников мирного утопического коммунизма.

24.

«Commission des defenseurs de la Republique» – «Комиссия по защите принципов Республики», см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 27.

25.

Бастид Жюль (1800–1879) – французский политический деятель и публицист, один из редакторов буржуазно-республиканской газ. «Националь» при Луи Филиппе; министр иностранных дел в период революции 1848 г. (май – декабрь).

26.

Сентябрьские законы – см. прим. к девятому «Парижскому письму», п. 16.

27.

Бартоломеевская ночь – избиение католиками протестантов в Париже в ночь на 24 августа 1570 г., под праздник св. Варфоломея.

28.

Правило это распространяется на Алжирию... – На основании нового избирательного закона Алжир посылал четырех депутатов в Национальное собрание и они могли принимать участие в обсуждении вопросов, касающихся непосредственно Алжира.

29.

...центральный для Парижа... – Центральный комитет по общим выборам, во главе которого стоял помощник парижского мэра, французский политический деятель, умеренный буржуазный республиканец Рекюр Андре Бахиабе Атанас (1796–1873).

30.

«Club republicain pour la liberte des elections» – «Республиканский клуб в защиту свободных выборов», см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 32.

31.

«des prevoyants» – «Клуб предусмотрительных», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял представителей промышленной буржуазии, носил реакционный характер.

32.

«Comite preparatoire pour l'Assemblee Nationale» – «Комитет подготовки Национального собрания», реакционный клуб, основан в марте 1848 г. в Париже при газете «l'Assemblee Nationale».

33.

«de la Garde Nationale» – «Клуб национальной гвардии», основан в марте 1848 г., объединял умеренных буржуазных республиканцев, представителей династической оппозиции, имел свой печатный орган «Le Ordre».

34.

...консервативную партию весьма сильную. – Ср. у К. Маркса: «Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 7).

35.

«Societe centrale republicaine», salle Conservatoire de Musique – «Центральное республиканское общество», зал Музыкальной консерватории; клуб основан в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов, социалистов, коммунистов-утопистов; во главе клуба стоял О. Бланки.

36.

...старым проконсулам 93 года. – См. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 34.

37.

Префект, подпрефект – начальник полиции в Париже и его заместитель.

38.

...суспендировать лиц пожизненной магистратуры. – Имеется в виду закон, по которому судьи не выбирались, а назначались исполнительной властью и после пятилетней службы должность их сохранялась за ними пожизненно.

39.

...перешла сама собой на улицу... – Ср. у К. Маркса: «Государственный и частный кредит, это – экономический термометр, показывающий интенсивность революции. В той самой мере, в какой падает кредит, повышается накал революции и растет ее творческая сила» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 20).

40.

«de l'Emancipation des peuples» — «Клуб освобожденного народа», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял мелкобуржуазных демократов, продолжал традиции клубов Великой французской революции.

41.

«Немецкое демократическое общество» – см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 39.